

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ОБРАЗНОЙ ОСНОВЫ НОМИНАЦИИ В СЛАВЯНСКОЙ АУДИТОРИИ

ELENA M. MARKOVA

LINGUODIDACTIC SIGNIFICANCE OF THE FIGURATIVE BASIS OF THE NOMINATION IN THE SLAVIC AUDIENCE

**Елена Михайловна
Маркова**

Доктор филологических наук, профессор

► elena-m-m@mail.ru

Российский государственный
университет им. А. Н. Косыгина
115035, Россия, Москва,
Садовническая ул., 33/1

Экономический университет
в г. Братиславе
85235, Словакия, Братислава,
Дольноземска, 1

Elena M. Markova

Kosygin State University of Russia
33/1, Sadovnicheskaya ul.,
Moscow, Russia, 115035

University of Economics in Bratislava
1, Dolnozemska, Bratislava, Slovakia, 85235

В статье рассматривается внутренняя форма слова в лингводидактической функции. Цель статьи — выявление особой роли внутренней формы слов в родственной, славянской, аудитории. Внутренняя форма, формируемая одним из признаков номинируемого предмета, представляет собой образную основу номинации. Развивая данный тезис, автор доказывает, что образная основа слова не только вербализует результат когнитивной деятельности человека и выступает экспликатом лингвокультурной информации, но осуществляет мнемическую связь между номинантом и номинируемым объектом. Лингводидактическое значение образной основы номинации состоит в том, что она помогает запоминанию слов при изучении иностранного языка и припоминанию, воспроизведению их в процессе речевой деятельности. Используя сравнительно-сопоставительный метод (сопоставление русского, чешского, словацкого языков), методы семного, компонентного, словообразовательного, этимологического анализа, автор демонстрирует лингводидактический потенциал внутренней формы (признаковой основы) лексических единиц в славянской аудитории. Делается вывод, что даже не мотивированные с точки зрения носителей русского языка слова, оказываются мотивированными с точки зрения носителей других славянских языков в силу сохранности в них общеславянских корней, вербализующих образную основу. Предложенная автором группировка лексики: 1) по общности мотивировочного признака в изучаемом языке; 2) по общности-различию признака номинации в родном и изучаемом языках — послужит каркасом новой образной картины мира изучаемого русского языка. Результаты исследования и выводы автора могут быть использованы при написании учебников русского языка для славян, в практике его преподавания в славянской и неславянской аудитории.

Ключевые слова: образ номинации; мотивировочный признак; внутренняя форма слова; лингводидактика; славянские языки.

The article deals with the internal form of a word in its linguodidactic function. The purpose of the research is to identify the special role of words' internal form in a linguistically related Slavic audience. The internal form, shaped by one of the features of the nominated object, is the figurative basis of the nomination. Developing this idea, the author proves that the figurative basis of the word not only verbalizes the result of a person's cognitive activity and acts as an explicator of linguocultural information, but also realizes a mnemonic connection between the nominant and the nominated object. The linguodidactic significance of the figurative basis of the nomination is that it helps to memorize words when learning a foreign language and to recall and reproduce them in the process of speech activity. Using the comparative method (comparison of Russian, Czech and Slovak languages) and the methods of Semantic, component,

derivational and etymological analyses, the author demonstrates the linguodidactic potential of the internal form (sign basis) of lexical units in the Slavic audience, and concludes that even words that are not motivated from the point of view of Russian native speakers are motivated from the point of view of other Slavic languages speakers due to the preservation of common Slavic roots, verbalizing the figurative basis. The grouping of vocabulary proposed by the author is the following: 1) according to the commonality of the motivational feature in the studied language; 2) by the commonality and the difference in the feature of the nomination in the native and studied languages. This approach could serve as a frame for a new figurative picture of the world of the studied Russian language. The results of the research and the author's conclusions can be used in writing textbooks of the Russian language for the Slavs, in the practice of teaching it to Slavic and non-Slavic audiences.

Keywords: image of the nomination; motivational feature; internal form of word; linguodidactics; Slavic languages.

Введение

Когнитивный подход к изучению языковых фактов дал возможность утверждать, что любое наименование имеет образную основу, лингвокогнитивную по своей сути. Восприятие человеком окружающего мира, его впечатления о мире отражаются в семантической мотивации наименований явлений окружающей действительности. Образ, вербализованный в наименовании и выступающий в качестве мотива наименования, является проводником ассоциативной связи уже имеющего языковое выражение номинанта с новым объектом, подлежащим номинации. Эта ассоциативная связь реализуется посредством метафорической или метонимической модели. Образ формирует внутреннюю форму слова, которая и даёт представление о том, какой признак был положен в основу наименования. Образность является качественным свойством плана содержания языковых единиц, объективирующим его когнитивную составляющую. По словам В. В. Виноградова, «слово — неразрывное единство звука, значения и внутренней формы» [Виноградов 1968: 114].

Внутренняя форма слова, открытая когда-то А. А. Потебнёй и развившая учение В. фон Гумбольдта о внутренней форме отдельных языков, является уникальным явлением в силу сложности информации, заключённой в этом понятии. Она является не только мотиватором слова,

посредником между означаемым и означающим, языковым знаком и объектом знакообозначения, но таким синергетическим явлением, которое характеризует особенности мировидения народа — носителя данного языка, связано с его креативными возможностями, ибо основана на образности мышления, показывает движение мысли в момент номинации, указывает на возможные пути дальнейшего смыслового развития слова.

Кроме предметно-логического содержания, значение знака вторичной номинации содержит информацию о субъективном понимании тех отношений, в которых находятся объект номинации и знак вторичной номинации. «Внутренняя форма слова, в отличие от понятия — категории объективной ... характеризуется способностью к субъективному ... представлению предметов номинации в языковом сознании говорящих на определённом языке... В этом случае речь идёт скорее о внутренней форме слов как словесно-логическом представлении заключённого в них смысла» [Алефиренко 2005: 7]. Значение знаков номинации, по выражению А. Ф. Лосева, «зависит от того смыслового света, который на него падает от обозначаемого предмета» [Лосев 1990: 75]. «Смысловой свет», падающий от предмета номинации, по отношению к значениям знаков непрямого именования имеет особое синергетическое содержание.

Внутренняя форма слова формируется признаком объекта действительности, который был выбран в момент его наименования и отразил первоначальное понимание (восприятие, видение) обозначаемого предмета [Бибихин 2008]. Уже вербализованный признак как бы мотивирует это наименование, поэтому его часто называют *мотивировочным признаком*, или *мотивировкой* слова. Внутренняя форма слова даёт возможность понять мотивы словотворчества. «Какие именно впечатления лягут в основу образной стороны слова, — это зависит в большей мере от фантазии называющего народа... Связи представлений при назывании...обязаны действию ассоциаций, обусловленных связями явлений, данной исторической почвой, данной национальной средой, — в ряде случаев даже индивидуальной психологией

людей, от которой они поступили в общее употребление» [Булаховский 1954: 55]. Вместе с тем субъективные мотивы являются отражением более общих, объективных закономерностей. Можно сказать, что процесс познания носит «признаковый» характер, и это свойство пронизывает все этапы когнитивной деятельности человека. Из этого следует, что все предметы и явления окружающего нас мира, получившие языковое выражение, связаны между собой с помощью присущих им признаков. Поэтому апелляция к внутренней форме даёт возможность выявить общие закономерности мышления людей, общность и различия в ассоциациях, возникающих у разных народов при номинации одних и тех же явлений и предметов действительности [Маркова 2011]. То, что при наименовании выделяется один признак из множества, объясняет значительные расхождения между языками в плане мотивировки семантически аналогичных слов. Обуславливая этноспецифичность концепта, внутренняя форма слова позволяет понять, таким образом, сущность национального менталитета.

Так, проведённое нами исследование принципов номинации существительных на *-dlo/-lo* в русском, чешском и словацком языках дало основание утверждать, что «для чешского и словацкого сознания актуальными в процессе номинативной деятельности оказываются прежде всего функциональные признаки (назначение, применение, способы использования) номинатов» [Маркова 2012: 201], в отличие от русского языкового сознания, для которого предпочтительными при номинации оказываются «атрибутивность, ориентация на внешние (открытые, видимые) признаки и свойства предмета» [Алефиренко, Корина 2011: 171].

Как показали исследования последних десятилетий, внутренняя форма слова обладает широкой функциональностью: выявлены и исследованы типологизирующая, экспрессивно-эстетическая, репрезентативная, мотивирующая, когнитивная и другие её функции. В связи с этим внутренняя форма слова получила свое толкование и исследование

в разных плоскостях: в этимологии — сквозь призму этимона, первоначального значения слова (В. В. Иванов), в дериватологии — через связь производного слова и производящего (Е. А. Земская, И. С. Улуханов, А. И. Фёдоров), в ономаσιологии — через номинационный признак (В. Г. Гак, М. М. Гинатулин, А. И. Фёдоров), в когнитивистике — сквозь призму гештальт-структуры, концептуализацию объектов действительности (Т. И. Вендина, Т. А. Сидорова, В. Н. Телия, И. В. Хохлова, Е. Е. Чикина), в лингвокультурологии — с опорой на выражение определённого видения мира (Н. Ф. Алефиренко, Н. Г. Комлев, В. А. Маслова, Т. А. Сидорова), в аспекте мотивированности — в рамках мотивологии и т. д. (О. И. Блинова, Н. А. Илюхина, Т. Р. Кияк и др.).

Однако недостаточно ещё исследованы и реализованы на практике лингводидактические возможности внутренней формы слова. В представлении О. П. Ермаковой и Е. А. Земской, внутренняя форма объясняет «ономаσιологическую структуру наименования» [Ермакова, Земская 1985: 520]. Поэтому образ становится проводником, мнемической связью, основой ассоциации, которая помогает соотнести слово и объект внеязыковой действительности, что имеет отношение к практике преподавания иностранного языка. Педагогическая практика требует разработки новых методов, приёмов, технологий, направленных на повышение эффективности усвоения иностранного языка обучающимися, в соответствии с господствующими лингвокогнитивными установками [Žofková 2004; Adamka 2010; Kollarová 2014; Kvapil 2014; Корыченкова 2016; Радкова 2017; Коренькова, Кореньков, Краев 2019; Markova et al 2021]. В связи с этим актуальной является проблема исследования роли внутренней формы слова при усвоении иностранного языка, в том числе русского как иностранного, построения модели обучения, опирающейся на понятие внутренней формы слова.

Воплощая тот след, который единица языка оставляет в памяти человека при его её вос-

приятии, запоминании и воспроизведении, внутренняя форма имеет большую ценность для обучения лексике иностранного языка. Данные современных исследований по психолингвистике позволяют утверждать, что слова «хранятся в нашей памяти не в виде звуковых комплексов, а в виде образов, составляющих основу внутренних форм значимых единиц» [Воронкова 2010: 108]. Поэтому апелляция к внутренней форме, к образной основе слова обеспечивает ассоциативную связь между словом и реальным объектом, позволяет закрепить это слово в памяти и вызвать его в нужный момент коммуникации. В этом лингводидактическое значение внутренней формы слова.

К этому нужно добавить, что одной из ведущих функций внутренней формы слова является системообразующая функция. «Являясь средством выражения мотивированности слов и их мотивационных связей, внутренняя форма создаёт мотивационные парадигмы, совокупность и взаимосвязь которых образуют каркас всего лексикона языка» [Блинова 2012: 6]. Это также имеет лингвометодическое значение, так как даёт представление о внутренней системности языковых знаков, их внутренней связи и организации, понимание которой помогает постичь логику изучаемого языка. А переход с одной системы кодирования на другую благодаря осознанию внутренней формы формирует способность к смене картины мира и рефлексии этого процесса [Барановская 2004].

Материалы и методы

Материалом исследования послужили русский, чешский и словацкий языки в аспекте мотивированности их лексики. В исследовании были использованы сравнительно-сопоставительный метод, методы этимологического анализа, когнитивного анализа, семного анализа, словообразовательного анализа, метод культурологической интерпретации.

Результаты

Ассоциативная природа внутренней формы даёт основание рассматривать её в аспекте психолингвистических основ обучения иностранному языку. В особенности это значимо

для близкородственной аудитории. Выступая в виде определённого образа, внутренняя форма, с одной стороны, даёт возможность установить прямую ассоциативную связь между объектом и словом, его номинирующим, что помогает его быстрому запоминанию, с другой — транслирует особенности национального «видения» предмета или ситуации, что способствует переключению с одной кодовой системы видения мира на другую кодовую систему.

Как известно, ассоциации играют ведущую роль при непроизвольном запоминании лексики иностранного языка. Ассоциации могут быть зрительными, цветовыми, языковыми (внутриязыковыми и межъязыковыми), даже тактильными, поэтому эффективным является предъявление новых лексических единиц при помощи наглядности, поскольку в таких случаях сразу же формируется стойкая ассоциация между словом и предметом, явлением, действием, признаком, им обозначаемым, и т. д., что способствует непроизвольному запоминанию слов. Использование зрительных представлений является одним из эффективных приёмов мнемотехники. Анализ внутренней формы слова, имеющей образную основу, и создаёт ту стойкую ассоциативную связь между предметом и именем, которая закрепляет его в долговременной памяти.

Этноспецифика словесного знака связана прежде всего с образными компонентами, с ассоциациями, возникающими у носителей разных языков. Анализ внутренней формы позволяет установить ассоциативную связь предметов и явлений в изучаемом языке. При этом осознание внутренней формы слова иностранного языка соотносится с пониманием внутренней формы соответствующего слова родного языка, на основании чего происходит выделение общих или различных признаков этих форм.

Образ возникает и в процессе восприятия лексемы, обеспечивая её запоминание, и в процессе воспроизведения. Человек воспринимает окружающий мир в образах, познает его образно и соответственно воспроизводит его образами. С помощью внутренней формы слова система мышления и система языка осуществляют взаи-

мообратные действия — кодирование и декодирование. Признак, который послужил мотивом, стимулом словообразования, вызывает к жизни эту лексему в конкретной ситуации в соответствии с коммуникативным намерением говорящего. Психический аспект номинации важен не только для вербальной кодировки явления действительности, для знакообразования, но и для обратного процесса — декодирования знака, соотношения его с определённым денотатом, воспроизведения его в речи, т. к. в основе обоих противоположно направленных процессов лежит закон ассоциации.

Внутренняя форма воплощает внутреннюю связь лексем, причём не только в рамках изучаемого языка, но и с выходом в родной язык, который в случае их близкого родства обнаруживает много общих, но по-разному реализованных корней, что помогает осознать единство и специфику родного и изучаемого языков.

Обсуждение

Как уже подчеркивалось, одной из когнитивных, а вместе с тем и лингводидактических функций внутренней формы слова является способность к мотивации лексического значения. Все слова являются семантически мотивированными изначально. Однако не все сохраняют эту мотивировку. С течением времени внутренняя форма может перестать осознаваться носителями языка, «стереться». Причин этому может быть несколько: устаревание лексемы, мотивировавшей данное наименование, словообразовательные процессы (перераспределение морфем), новые устойчивые ассоциации, возникающие в процессе функционирования слова и др. Это даёт право некоторым учёным различать *внутреннюю форму слова*, осознаваемую носителями языка в данный период, как явление синхронии, и *этимон*, первоначальную внутреннюю форму, как явление диахронии [Варина 1976: 243].

Лингводидактическое значение деления лексики на мотивированную и немотивированную, на лексемы с «прозрачной» внутренней формой и со стертой внутренней формой заключается в том, что лексемы и фраземы с ясной мотиви-

ровкой запоминаются и воспроизводятся легче, а немотивированные требуют большей работы для их запоминания. Особое значение выявление внутренней формы имеет при изучении русского языка в славянской аудитории из-за наличия большого количества общих корней в родном и изучаемом языках, по-разному «рассыпанных» в их лексико-фразеологических системах [Маркова, Квапил 2021].

Для практики преподавания русского языка славянам деление слов на мотивированные и немотивированные отличается от соответствующего деления теми, для кого русский язык является родным, так как стертая для носителей русского языка внутренняя форма может оказаться очевидной и понятной для носителей других славянских языков, в которых сохранились лексемы, эксплицирующие её. «Спецификой изучения русской лексики в славянской аудитории является то, что немотивированная с точки зрения носителей русского языка внутренняя форма слова оказывается мотивированной с точки зрения иной славянской лингвокультуры» [Маркова, 2011: 72], где сохраняются до настоящего времени праславянские лексемы, утраченные русским языком.

Так, понятны носителям чешского и словацкого языков семантика русского глагола *распогодиться*, который характеризует хорошую погоду, сменившую ненастье, а также выражения *ждать у моря погоды*, где *погода* изначально также имело значение 'хорошая погода'. С положительной семантикой слово *pohoda* до сих пор функционирует в этих языках: (уст.) чеш., слвц. *pohoda* 'хорошая погода', слвц. *pohoda* 'спокойствие, покой, благодать', слвц. *v pohodě* 1) 'в хорошем расположении духа'; 2) 'в порядке'.

Утраченное современным русским языком слово *коло* 'колесо' известно в других славянских языках с праславянского периода (напр., чеш., слвц. *kolo* 'колесо; велосипед') и составляет внутреннюю форму таких русских производных лексем, как *колесо*, *кольцо*, *колея*, *около*, *колуб*, *колубок*, *калач*, просторечного глагола *колубродить* 'шататься без дела, мешать всем', в качестве компонента внутренней формы присутствует во фразеологизмах *нести околицу*, *идти окольными путями*.

Можно выделить разные типы внутренней формы: семантический, формируемый семантическим признаком номинируемого объекта: *черника* ← *чёрная (ягода)*; словообразовательный (*школьник* ← *школа*); эпидигматический (*нос* (корабля) ← *нос* (часть тела человека); *осел* («глупый человек») ← *осел* (животное)). Среди последних распространённой, например, является внутренняя форма, основанная на метафорах: «предмет» → «человек» (например, *звезда, золото, клад* с положительной коннотацией и *дубина, шляпа, мешок, колода, валенок* с отрицательной коннотацией); «растение, дерево» → «человек» (*дуб, пеня, лопух*, имеющие отрицательную, сниженную оценку).

Среди слов русского языка много таких, которые имеют «прозрачную» внутреннюю форму, ясную мотивировку в иной славянской среде. Объединённые в одно лексико-фразеологическое гнездо, они хорошо запоминаются благодаря внутренней связи. Многие слова-соматизмы, утраченные в русском языке, сохранились как мотиваторы ряда производных. Так, сущ. *челка*, историзм *челобитная* ‘просьба, жалоба’ (из сочетания *бить челом* ‘кланяться, отдать поклон’) мотивированы общеславянским *čelo* / *чело*, известном в чешском, словацком и других славянских языках. В основе лексем *очки, окулист, окуляр, окно, очевидно, очно, заочно*, фраземы *очная ставка* — признак, вербализуемый словом *око* ‘глаз’, ставшим в русском языке устаревшим, традиционно-поэтическим словом, но сохранившимся в большинстве славянских языков в качестве названия органа зрения. Утратился в общем употреблении в русском языке и соматизм *уста* (синоним современного *рот*), сохранившийся в производных *устье* (реки), *устно, наизусть, челюсть* (которое, по мнению этимологов, состоит из слов *цель* и *уста*), а также во фразеологических выражениях: *из уст в уста; вложить в уста; из первых уст; у всех на устах; вашими бы устами, да мед пить*. Устаревшее в русском, но сохранившееся в других славянских языках слово *перст* (синоним современного *палец*) стало мотиватором таких производных, как *перстень, напёрсток, перчатки* (вид одежды для рук с отделениями для каждого пальца), во фраземах *указующий перст; перст судьбы*. В силу сохранности в других славянских языках слов

чело, око, уста, перст они делают все перечисленные лексемы и фраземы мотивированными и легко запоминающимися в славянской языковой среде.

Русские названия ягод также имеют прозрачную внутреннюю форму: *черника* ← *чёрная ягода, голубика* ← *голубая ягода, земляника* ← *земляная ягода* (что подчеркивает её близость к земле), *ежевика* ← *ежовая* (похожая на ежа из-за наличия иголок) *ягода*. Собственно русское наименование *клубника* явилось результатом актуализации внешнего признака ягод — их формы в виде клубня и имеет тот же корень, что и слова *клуб / клубы, клубок, клубень / клубни*, известного и в других славянских языках (напр., чеш. *kloub* ‘шарнир, сустав’). Лексемы *белье, лебедь, лебеда* мотивированы прилагательным *белый*, известным всем славянам. И наоборот, многие прилагательные мотивированы названиями ягод, цветов: *малиновый, вишнёвый, васильковый, сиреневый, брусничный* и др.

С точки зрения лингводидактической представляется целесообразной в учебниках русского языка как инославянского особая, дополнительная по сравнению с существующими в учебниках РКИ [Brones 1982; Budovićová 1983; Havlová 1999; Розбодова, Копечны, Маркова 2019] группировка лексики: в соответствии с общностью или различием их внутренней формы и наличием слова-мотиватора в родном языке. Сгруппированные в единое словообразовательное гнездо с «прозрачной» для носителей славянских языков внутренней формой, эти лексемы легко запоминаются при изучении русского языка славянами. Так, глаголы *рушить / разрушить, нарушить, нарушитель, порушить, рухнуть* существительные *разруха* ‘нарушение, беспорядок’, *рухлядь* ‘старые, обветшалые, пришедшие в негодность вещи домашнего обихода, одежда’, прилагательное *рыхлый* ‘рассыпчатый, неплотный’ имеют единую мотивировку, понятную в славянской аудитории ввиду наличия в сравниваемых славянских языках утраченного в русском языке слова *рух* ‘движение’ и некоторых его других дериватов: чеш., словц. *ruch* — ‘движение’, чеш. *ruchadlo* ‘плуг’, орудие для рыхления земли, чеш., словц. *rušit* ‘беспокоить, мешать’, *rušno* ‘шумно, оживлённо’, *rušitel* ‘нарушитель’, *rýchly* ‘быстрый’, *rýchlost* ‘скорость’, *rýchlik* ‘скорый по-

езд, *rúško* 'защитная маска; покров; завеса', *rúcho* 'облачение, одеяние'. Одинаково мотивированы глаголом *крыть/покрыть* (известным, например, в чешском языке, ср. *krytba* 'покрытие', *kryt* 'укрытие', *pokryvka* 'одеяло') русские лексемы *крыша* (дома), *крышка* (кастрюли), *укрытие* ('убежище'), *покрытие* ('верхний слой'), *покрывало* ('ткань, покрывающая кровать'), *покрышка* ('верхний слой резины у колеса машины или велосипеда').

Установка на усвоение внутренней формы слов иностранного языка влияет на психологические характеристики учащихся: повышает их познавательный интерес, мотивацию изучения другого языка, креативность и коммуникативную компетенцию, улучшает кратковременную и долговременную память, приводит к повышению уровня самосознания, самостоятельности и свободы в овладении новой когнитивно-коммуникативной системой [Розбоудова, Копечны, Маркова 2019]. При таком подходе построение речи на иностранном языке требует не перевода слов родного языка на другой язык, а перехода с точки зрения одной системы «мировидения» на точку зрения другой системы.

Выводы

Являясь средоточием этимологической памяти слова, знаком первоначального концептуального осмысления его, хранителем изначального представления о нем, формой репрезентации когнитивного содержания, внутренняя форма вместе с тем служит и ассоциативным «мостиком» не только между разными понятиями и объектами действительности, но и между объектом и его номинантом. Этот «мостик», *мнемокод*, имеющий образную основу, манифестирует особенности национального «видения» предметов, открывает иную картину мира, помогает запоминанию слов, что обуславливает не только её лингвокультурное, но и лингводидактическое значение.

С точки зрения психологической переход с одного языка на другой представляет собой переход с одной системы кодирования на другую. Внимание к внутренней, а не к внешней форме языка даёт возможность усвоить иностранный

язык как новую систему кодирования и декодирования информации. При этом построение речи на иностранном языке требует не перевода слов родного языка на слова другого, а перехода на другую этнокультурную позицию, другой фокус видения, формирование новых представлений, иной картины мира.

Опора на внутреннюю форму слов при изучении иностранного языка, в особенности в близкородственной языковой среде ввиду «прозрачности» внутренней формы многих лексем, позволяет перейти на качественно новый уровень изучения языка, при котором происходит не столько механическое заучивание лексики, фразеологии, грамматики и иных аспектов изучаемого языка, но постижение новых способов кодирования информации. В этом случае иностранный язык становится не только способом общения, но и средством познания и изучения новой культуры [Kollarova 2014], что помогает осуществить принцип «Язык через культуру и культура через язык».

ЛИТЕРАТУРА

- Алефиренко 2005 — Алефиренко Н.Ф. Когнитивно-семасиологическое содержание языкового знака. *Вестник Томского гос. пед. университета. Сер.: Гуманитарные науки (Филология)*. 2005, 3 (47): 5–10.
- Алефиренко, Корина 2011 — Алефиренко Н.Ф., Корина Н.Б. *Проблемы когнитивной лингвистики*. Нитра: Изд-во Университета Константина Философа, 2011. 238 с.
- Барановская 2004 — Барановская Т.А. *Роль внутренней формы слова при изучении иностранного языка*. М.: ГУ ВШЭ, 2004. 207 с.
- Бибихин 2008 — Бибихин В.В. *Внутренняя форма слова*. М.: Наука, 2008. 420 с.
- Блинова 2021 — Блинова О.И. Внутренняя форма слова: мифы и реальность. *Вестник Томского государственного университета. Сер.: Филология. Лингвистика*. 2012, 4 (20): 5–11.
- Булаховский 1954 — Булаховский Л.А. *Введение в языковедение*. Ч. 2. М.: Просвещение, 1954.
- Варина 1976 — Варина В.Г. Лексическая семантика и внутренняя форма языковых единиц. В кн.: *Принципы и методы сопоставительных исследований*. М., 1976. С. 233–244.
- Виноградов 1968 — Виноградов В.В. Проблемы морфематической структуры слова и явления омонимии в славянских языках. В кн.: *Славянское языковедение. Материалы VI Межд. съезда славистов*. М., 1968. С. 53–119.
- Воронкова 2010 — Воронкова О.А. *Внутренняя форма фраземы как лингвокогнитивная категория (на материале русского языка)*. Дисс. ... канд. филол. наук. Белгород: БелГУ, 2010. 210 с.

- Ермакова, Земская 1985 — Ермакова О. П., Земская Е. А. Сопоставительное изучение словообразования и внутренняя форма слова. *Известия АН СССР. Серия литературы и языка*. 1985, 44 (6): 518–525.
- Лосев 1990 — Лосев А. Ф. *Философия имени*. М.: МГУ, 1990. 75 с.
- Коренькова, Кореньков, Краев 2019 — Коренькова Т. В., Кореньков А. В., Краев А. Ю. Русский язык в Словакии. В сб.: *Russian Language in the Multilingual World*. Хельсинки: University of Helsinki, 2019. С. 176–196.
- Корыченкова 2016 — Корыченкова С. Система подготовки учителей русского языка в Чешской Республике — современное состояние, задачи и перспективы направления. *Новая русистика*. 2016, (2): 89–98.
- Маркова 2012 — Маркова Е. М. Судьба существительных на *-(д)ло в русском, чешском и словацком языках. *Вестник МГОУ. Электронный журнал*, www.evestnik-mgou.ru. 2012, (4): 194–201.
- Маркова 2011 — Маркова Е. М. Внутренняя форма слова и фразеологизма: когнитивный, лингвокультурный и лингводидактический аспекты при изучении русского языка в инославянской аудитории. *Русский язык за рубежом*. 2011, (5): 68–74.
- Маркова, Квапил 2021 — Маркова Е. М., Квапил Р. Особенности обучения русскому языку в близкородственной словацкой среде. *Русистика*. 2021, 19 (2): 191–207. <http://journals.rudn.ru/russian-language-studies>
- Радкова 2017 — Радкова А. *Изучение русского языка в славяноязычных странах Евросоюза*. Лодзь: Acta Universitatis Lodziensis. Folia Linguistica Rossica, 2017. 133 с.
- Розбюдова, Копечны, Маркова 2019 — Розбюдова Л., Копечны Я., Маркова Е. М. Школьные учебники русского языка в Чехии сегодня: плюсы и минусы. *Вестник РУДН: Русистика*. 2019, 17 (1): 90–102.
- Adamka 2010 — Adamka P. Klady a záporý využívania analógií s rodným jazykom pri osvojovaní si niektorých javov gramatického systému ruského jazyka. В кн.: *Vyučovanie cudzieho jazyka: súčasné vyučovacie technológie*. Prešov: FF PU, 2010. P. 7–14.
- Bronec 1982 — Bronec J. *K lingvodidaktických typológií cizojazyčného lexika*. Brno: Изд-во Университета Масарика, 1982. 110 p.
- Budovičová 1983 — Budovičová V. Z konfrontačnej lexikológie príbuzných jazykov — lexikálne paralely v slovenčine, ruštině a češtině. В кн.: *Konfrontační stádium ruské a české gramatiky a slovní zásoby*. T. 2. Praha: Univerzita Karlova, 1983. P. 257–275.
- Havlová 1999 — Havlová E. Poznámky k ruským homonimům. В кн.: *Príspevky k aktuálnym otázkám jazykovedné rusistiky*. Brno, 1999. P. 83–89.
- Kollarová 2014 — Kollarová E. *Hovory o kulturologickom smerovaní cudzojazyčnej edukácie*. Bratislava: ŠPU, 2014. 75 p.
- Kvapil 2014 — Kvapil R. *Od Reálií k Interkulturnej Kompetencii Učítela-Rusistu*. Bratislava: MPC, 2014. 96 p.
- Markova et al 2021 — Markova E. M., Kuznetsova G. V., Kozlova O. V., Korbozerova N. M., Domnich O. V. Features of the development of linguistic and communication competences of future foreign language teachers. *LingCuRe: Linguistics and Culture Review*. 2021, 5, (52): 36–57. <https://doi.org/10.37028/lingculture.v5nS2.1329>
- Žofková 2004 — Žofková H. Problematika vyučování ruštině jako druhému cizímu jazyku a profesionální příprava učitelů cizích jazyků. В кн.: Fenclová M. *Vzdělávání učitelů cizích jazyků na počátku 21. století*. Praha: Univerzita Karlova, Pedagogická fakulta, 2004. P. 268–270.

REFERENCES

- Алефиренко 2005 — Alefirenko N. F. Cognitive-semasiological content of a linguistic sign. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki (Filologiya)*. 2005, 3 (47): 5–10. (In Russian)
- Алефиренко, Корина 2011 — Alefirenko N. F., Korina N. B. *Cognitive linguistics problems*. Nitra: Univerzita Konstantina Filosofa Publ., 2011. 238 p. (In Russian)
- Барановская 2004 — Baranovskaya T. A. *The role of the internal form of a word in learning a foreign language*. Moscow: GU VShE Publ., 2004. 207 p. (In Russian)
- Бибихин 2008 — Bibichin V. V. *Internal word form*. Moscow: Nauka Publ., 2008. 420 p. (In Russian)
- Блинова 2021 — Blinova O. I. The inner form of the word: myths and reality. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filologiya. Lingvistika*. 2012, 4 (20): 5–11. (In Russian)
- Булаховский 1954 — Bulakhovsky L. A. *Introduction to linguistics*. Vol. 2. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1954. (In Russian)
- Варина 1976 — Varina V. G. Lexical semantics and internal form of linguistic units. In: *Printsipy i metody sopostavitel'nykh issledovaniy*. Moscow, 1976. P. 233–244. (In Russian)
- Виноградов 1968 — Vinogradov V. V. Problems of the morphematic structure of the word and the phenomenon of homonymy in the Slavic languages. In: *Slavianskoe iazykoznanie. Materialy VI Mezhdunarodnogo šezda slavistov*. Moscow, 1968. P. 53–119. (In Russian)
- Воронкова 2010 — Voronkova O. A. *The internal form of a phraseme as a linguo-cognitive category (based on the Russian language)*. Dissertation of the candidate of philological sciences. Belgorod: BelGU Publ., 2010. 210 p. (In Russian)
- Ермакова, Земская 1985 — Ermakova O. P., Zemskaya E. A. Comparative study of word formation and the internal form of the word. In: *Izvestiya AN SSSR. Ser. literatury i iazyka*. 1985, 44 (6): 518–525. (In Russian)
- Лосев 1990 — Losev A. F. *Philosophy of the name*. Moscow: MGU Publ., 1990. 75 p. (In Russian)
- Коренькова, Кореньков, Краев 2019 — Korenkova T. V., Korenkov A. V., Kraev A. Iu. Russian language in Slovakia. In: *Russian Language in the Multilingual World*. Helsinki: University of Helsinki Publ., 2019. С. 176–196. (In Russian)
- Корыченкова 2016 — Korychenkova S. The system of training teachers of the Russian language in the Czech Republic — the current state, tasks and prospects of the direction. *Novaya rusistika*. 2016, (2): 89–98. (In Russian)
- Маркова 2012 — Markova E. M. The fate of nouns in *-(d)lo in Russian, Czech and Slovak languages. *Vestnik MGOU*. www.evestnik-mgou.ru. 2012, (4): 194–201. (In Russian)

Маркова 2011 – Markova E. M. The internal form of a word and phraseological unit: cognitive, linguocultural and linguodidactic aspects in the study of the Russian language in Slavic audience. *Russkii iazyk za rubezhom*. 2011, (5): 68–74. (In Russian)

Маркова, Квепил 2021 – Markova E. M., Kvapil R. Features of teaching Russian in a closely related Slovak environment. *Rusistika*. 2021, 19 (2): 191–207. <http://journals.rudn.ru/russian-language-studies> (In Russian)

Радкова 2017 — Radkova A. *Studying the Russian language in the Slavic-speaking countries of the European Union*. Lodz: Acta Universitatis Lodzianensis. Folia Linguistica Rossica, 2017. 133 p. (In Russian)

Розбодова, Копечны, Маркова 2019 — Rozboudova L., Kopechny Ia., Markova E. M. School textbooks of the Russian language in the Czech Republic today: pros and cons. *Vestnik RUDN: Rusistika*. 2019, 17 (1): 90–102. (In Russian)

Adamka 2010 — Adamka P. Klady a zápory využívania analógií s rodným jazykom pri osvojovaní si niektorých javov gramatického systému ruského jazyka. В кн.: *Vyučovanie cudzieho jazyka: súčasné vyučovacie technológie*. Prešov: FF PU, 2010. P. 7–14.

Bronec 1982 — Bronec J. *K lingvodidaktické typologii cuzojazyčného lexika*. Brno: Изд-во Университета Масарика, 1982. 110 p.

Budovičová 1983 — Budovičová V. Z konfrontačnej lexikológie príbuzných jazykov — lexikálne paralely v slovenčine, ruštině a češtině. В кн.: *Konfrontační stádium ruské a české gramatiky a slovní zásoby*. T. 2. Praha: Univerzita Karlova, 1983. P. 257–275.

Havlová 1999 — Havlová E. Poznámky k ruským homonimům. В кн.: *Příspěvky k aktuálním otázkám jazykovědné rusistiky*. Brno, 1999. P. 83–89.

Kollarová 2014 — Kollarová E. *Hovory o kulturologickom smerovaní cudzojazyčnej edukácie*. Bratislava: ŠPU, 2014. 75 p.

Kvapil 2014 — Kvapil R. *Od Realii k Interkultúrnej Kompetencii Učiteľa-Rusistu*. Bratislava: MPC. 2014. 96 p.

Markova et al 2021 — Markova E. M., Kuznetsova G. V., Kozlova O. V., Korbozerova N. M., Domnich O. V. Features of the development of linguistic and communication competences of future foreign language teachers. *LingCuRe: Linguistics and Culture Review*. 2021, 5, (52): 36–57. <https://doi.org/10.37028/lingcure.v5nS2.1329>

Žofková 2004 — Žofková H. Problematika vyučování ruštině jako druhému cizímu jazyku a profesionální příprava učitelů cizích jazyků. В кн.: Fenclová M. *Vzdělávání učitelů cizích jazyků na počátku 21. století*. Praha: Univerzita Karlova, Pedagogická fakulta, 2004. P. 268–270.

[хроника]

Международный форум «МНОГОГРАННЫЙ В. И. ДАЛЬ В МИРОВОЙ НАУКЕ И КУЛЬТУРЕ» Нижегородский государственный лингвистический университет

22–23 ноября 2021 г. в Институте русского языка Нижегородского государственного лингвистического университета состоялся **Международный форум «Многогранный В.И. Даль в мировой науке и культуре»**, приуроченный к 220-летию со дня рождения выдающегося лексикографа. Форум объединил русистов из семи стран (Венгрия, Испания, Италия, Польша, Россия, Сербия, Узбекистан). Почётной гостьей юбилейного торжества стала прапраправнучка Даля А.А. Журавская, канд. филос. наук (г. Тверь). Директор Института проф. Н.В. Макшанцева в приветственном слове отметила непреходящий интерес научной общественности к деятельности и личности Даля. Дальнейшая работа Форума подтвердила это справедливое замечание.

Открыл пленарное заседание проф. М. А. Грачёв (НГЛУ). В докладе «*Работа В.И. Даля в Нижнем Новгороде по созданию “Толкового словаря живого великорусского языка”*» он убедительно показал, что за «нижегородский период» (Даль прожил в Нижнем десять лет) были созданы словарные статьи, по объёму занявшие впоследствии почти два тома «Толкового словаря...». Проф. С. С. Хромов (г. Москва) выступил с докладом «*Словарь В.И. Даля как источник реконструкции*

языковой картины мира второй половины XIX в.», в котором подчеркнул актуальность лингвистических исследований, проводимых с использованием богатейшего словарного и пословичного материала, собранного и систематизированного великим лексикографом. О современном звучании Словаря Даля в аспекте изучения концептосферы русского мира рассуждал и проф. Т.Б. Радбиль (г. Н. Новгород). В докладе проф. Т.Г. Никитиной и проф. Е.И. Роголевой (г. Псков) «*Лексикографический портрет русской загадки: от Владимира Даля до Владимира Путина*» анализировалось научное значение «Толкового словаря...» как источника изучения малых фольклорных жанров. Проф. М.В. Пименова (г. Владимир) в докладе «*Наименования лекарственных растений в словаре В.И. Даля и рукописных травниках*» подчеркнула роль уникального далевского словаря в исторической лексикологии.

С именем выдающегося сподвижника и его детьми были связаны и все доклады секционного заседания, проходившего 22 ноября, в день рождения Даля. Второй день работы Форума был посвящён вопросам лингвокультурологии, лингвистической экспертизы, теории и практики преподавания русского языка.